

japanische, polnische — englische, französische — lateinamerikanische u. v. a. Dieser Teil der Register erinnert an ein auf die ganze Welt bezogenes Nachschlagewerk. Die umfassende Anwendungsmöglichkeit ist in erster Linie aber nur ein Vorrecht der estnischsprechenden Enthusiasten.

Im Zeitraum von 1968—1977 hat «Keel ja Kirjandus» zahlreiche verschiedenartige Illustrationen veröffentlicht, deren kulturhistorischer Wert nicht minder gering ist als der der Texte selbst. Im Abschnitt, der den Illustrationen vorbehalten ist, werden auf 14 Seiten Fotos, Fotoreproduktionen und ein Teil der gezeichneten schematischen Karten aufgezählt. Nicht registriert wurde aber die Mehrzahl der auf Umrißkarten Estlands eingezeichneten Schemas sowie Notenbeispiele.

Die Zusammenstellung der Bibliographien ist bekanntlich eine langwierige und umfangreiche Arbeit. Die Weisheit *Lucundi acti labores* bietet sowohl dem Zusammensteller als auch dem Benutzer

Grund zur doppelten Freude, wenn die Arbeit geglückt ist. Das kann auch der Rezensent sofort in vollem Umfang feststellen, denn Stichproben zu einzelnen Fakten bestätigen die Korrektheit und Zuverlässigkeit des Materials.

Die Sammelregister der Jahre 1968—1977 von «Keel ja Kirjandus» spiegeln den Inhalt der Zeitschrift sowohl im statischen als auch dynamischen Sinne wider. Dort sind die auf verschiedenen Wissenschaftsgebieten vollbrachte Arbeit und deren Verwirklicher registriert, so werden aber auch Veränderungen und Entwicklungstendenzen in der estnischen Philologie beim Vordringen in neue Spezialbereiche sowie der Zuwachs an jungen Autoren gezeigt. Auch in dieser Hinsicht sind die Sammelregister der Zeitschrift «Keel ja Kirjandus» ein nicht zu umgehendes bibliographisches Nachschlagewerk für all diejenigen, die mit den Problemen der estnischen Sprachwissenschaft, Literaturwissenschaft und Folkloristik verbunden sind.

PAUL ALVRE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1983.2.12>

Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология. Учебник для национальных отделений вузов.
Ред. Д. В. Цыганкин, Саранск 1980. 430 с.

Рецензируемый учебник создан коллективом сотрудников и преподавателей Мордовского университета имени Н. П. Огарева, Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР и Института языкознания АН СССР. Он предназначен для студентов национальных отделений филологических факультетов высших учебных заведений, а также представляет интерес для учащихся педагогических училищ, аспирантов, специалистов-финно-угроведов, широкого круга интересующихся современными мордовскими языками и в хронологическом отношении является первой вузовской грамматикой подобного рода.

Последние два десятилетия в мордовском языкознании характеризовались интенсивным изучением всех уровней мор-

довских языков как в теоретическом, так и в практическо-описательном аспектах. «Грамматику мордовских языков» можно рассматривать как определенный итог большого периода исследований, отражающий достижения мордовского, финно-угорского и общего языкознания. Она отвечает требованиям, предъявляемым к учебникам: научность, стремление к максимальному охвату и систематическому изложению основных, прежде всего теоретических проблем современного мордовского формо- и словообразования. Материал обоих литературных языков излагается параллельно; некоторые разделы восходят к лекционным курсам по мордовским языкам, прочитанным в вузах в соответствии с действующими учебными программами.

Работа состоит из предисловия, введения, разделов: «Фонетика», «Графика», «Орфография», «Орфоэпия», «Морфоло-

гия» с подразделами: «Морфемика», «Словообразование» и «Части речи»; справочный аппарат представлен списком литературы.

Введение (с. 4—10) содержит необходимые сведения о численности и расселении мордовского (мокши и эрзи) народа на территории Мордовской АССР и за ее пределами. Здесь же приводятся данные о возникновении национальной письменности и основных этапах формирования литературных языков. Утверждается, что условия для формирования мокшанского и эрзянского литературных языков сложились в годы Советской власти, когда появились возможности издания произведений мордовской литературы на родном языке, расширилась сеть национальных школ, культурных центров и т. д. К сожалению, изложение истории формирования литературных языков заканчивается предвоенными годами. Не отмечена роль М. Е. Евсевьева, И. Г. Черепкина, А. П. Рябова, Е. Д. Поливанова и других в определении диалектных основ мордовских литературных языков, в дальнейшем совершенствовании отдельных фонетических, грамматических форм, отборе лексики, поиске оптимальных орфографических норм, внедрении их в практику.

Для раздела «Фонетика» (с. 11—43) характерны подробный анализ звуков речи, наличие подтверждающего материала, обобщающих, аргументированных выводов, классификационных и сопоставительных таблиц гласных и согласных звуков. Наиболее удачно разработаны темы: употребление звуков речи, их изменения в речевом потоке, случаи ассимиляции, аффрикатизации согласных звуков и различного рода протезы, епентезы и т. д. Тем не менее, из рассмотрения фонетической системы как бы выпало важное звено — ударение. Эпизодическое упоминание о нем (с. 19, 20 и др.), разумеется, не может дать полного представления о природе, характере эрзянского и мокшанского ударения, о его функциях. Ударением в мордовских языках в разное время занимались Д. В. Бубрих, Е. Д. Поливанов, А. П. Рябов, другие исследователи, они пришли к противоречивым выводам, особенно в отношении эрзянского языка. Тезис о том, что ударение в эрзянском языке не имеет ни лексического, ни грамматического значения, еще не раскрывает

его внутреннюю сущность. Видимо, появилась необходимость в серьезных экспериментальных фонетических исследованиях для выяснения особенностей ударения в обоих языках и разрешения существующих разногласий.

Неоправданно тщательно, на наш взгляд, рассматривается т. н. гармония гласных (с. 33—35), которая в мордовских языках исторически нарушена и проявляется более или менее отчетливо главным образом в пределах укающе-окающих диалектов эрзянского языка, например: эрз. лит. *кудо* 'дом', *кудосо* 'в доме', диал. *куду*, *кудусу*; *пин'еме* 'овес', *пинемесэ* 'в овсах', диал. *пин'ими*, *пин'имиси*.

Раздел «Графика» (с. 43—47) содержит интересные сведения о приемах письма для передачи звуков речи, подчеркивается, что проблема графики в мордовских языках решена успешно. Алфавиты, созданные на базе русского языка, сравнительно точно передают звуки речи мокшанского и эрзянского языков.

Вопросы правописания и произношения освещаются в разделах «Орфография» (с. 48—53) и «Орфоэпия» (с. 53—62), причем орфоэпические нормы двух мокшанских языков так системно излагаются впервые.

Понятия синхронной морфемки и словообразования получили в работе достаточно полное освещение. Впервые в систематических курсах современных мордовских языков подробно описываются строевые элементы слова, различные типы морфем, омонимия и синонимия служебных морфем, варьирование суффиксов и т. д. Здесь введены такие важнейшие понятия морфонологии, как стативные и чередующиеся морфы.

Полным по изложению и бесспорным по основным выводам является раздел, посвященный способам словообразования, понятию словообразовательного типа. Здесь же рассмотрены конкретные словообразовательные средства основных частей речи.

Наиболее обширен, как и следовало ожидать, раздел «Морфология» с подразделами «Морфемика» (с. 71—99), «Словообразование» (с. 99—136) и «Части речи» (с. 136—424). Обращает на себя внимание прежде всего достаточно высокий теоретический уровень изложения, всесторонний и глубокий анализ морфоло-

гических форм слова и механизма словопроизводства. На с. 106—108 при характеристике словообразовательных суффиксов *-ка*, *-кай* не в полной мере раскрыты их значения. В результате неслучайно один и тот же пример эрз. *якстере* 'красный' — *якстерь-ка(й)* приводится дважды: с суффиксом *-ка* (с. 106) и с *-кай* (с. 108).

Этот же недостаток относится к трактовке суффикса *-пря* (с. 109), посредством которого образуются «существительные со значением лица определенного возраста, общественного положения или психического состояния: *ава-пря* 'положение женщины' (*авапрясот мезе тят / авапрясот мезе тият* 'женщина (букв. в положении женщины), что поделаешь')» и т. п. Однако возможности суффикса *-пря* в эрзянском языке значительно шире, например, *лисьма* + *пря* 'источник', *латко* + *пря* 'начало оврага' и т. д.

В последующих разделах дается достаточная характеристика частей речи, их отдельных лексико-семантических разрядов и грамматических категорий. В этой части «Граматики» затронуты все основные вопросы словоизменения мордовских языков, из которых многие поставлены впервые и разрешены правильно (одноосновные и двуосновные существительные и их парадигматические особенности, функциональное использование в речи нулевой формы и форм с морфемой определенности, основы глагола и их репрезентация и т. д.). Положения «Граматики» теоретически обоснованны, поэтому даже спорные позиции вызывают большой интерес. Подробно освещены узловые вопросы склонения имен, спряжения глаголов. Учтены в довольно полном виде случаи применения падежных форм существительного, местоимения и личных форм глагола.

На с. 255 приводятся иллативные и транслативные формы собственно-личных местоимений от *мон* 'я', *тон* 'ты', *сон* 'он', *минь* 'мы', *тынь* 'вы', *сынь* 'они',

не прижившиеся в эрзянском литературном языке и являющиеся, видимо, опять-таки «издержкой» правил, разработанных еще в 1952 году: *моньэнь*, *монькэнь*, *миньэнек*, *минькэнек*, *тоньэзть*, *тонькэзть*, *тыньээнк*, *тынькээнк*, *соньээнэ*, *сонькээнэ*, *сыньээст*, *сынькээст*, ныне употребляющихся с послелогами *ладсо* 'подобно', *эйс* 'в' и т. п.

В рецензируемой работе, безусловно, есть недостатки. В частности, на наш взгляд, нечетко очерчена граница между формообразованием и словообразованием, не всегда мотивирован переход отдельных частей речи друг в друга, сложный и многообразный характер взаимосвязи и взаимодействия различных уровней языковой структуры, имеются неточности в формулировках, особенно в части глагола и т. д.

Однако приведенные замечания ни в какой мере не снижают положительной оценки первого вузовского учебника, которого так долго ждали научные работники, преподаватели, студенты, общественность республики.

Мордовские литературные языки сложились в результате синтеза многочисленных говоров и диалектов мордовских языков, таящих в себе неиссякаемые ресурсы для пополнения их богатством форм, выразительных и изобразительных средств, именно поэтому литературные языки постоянно требуют к себе пристального внимания, непрерывного совершенствования и бережного отношения. В этом плане «Грамматика мордовских языков» — серьезное и глубокое исследование, вносящее много нового в освещение процессов становления и развития мордовских литературных языков, — представляет собой заметное явление в современной морфологической науке и вносит заметный вклад в мордовское языкознание.

В. Д. ОБЪЕДКИН (Саранск)